

Елена АРСЕНЬЕВА

СЫН ТУМАНА

"ГОРОДИШКО"

Городишко

Елена Арсеньева

Сын тумана

«Елена Арсеньева»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Сын тумана / Е. А. Арсеньева — «Елена Арсеньева»,
2016 — (Городишко)

ISBN 978-5-699-89135-1

Маленький город со смешным названием Городишко расположился на берегу Волги, неподалеку от Нижнего Новгорода. Летом здесь часто бывают непроглядные туманы. Зимой стоят лютые морозы. И в любое время происходят странные, необъяснимые, страшные вещи... Зачем же Валерка возвращается в Городишко? Год назад он чуть не погиб здесь. И встретил девчонку, в которую влюбился без памяти и надежды. Что ждет его теперь в этом странном месте, где зло вновь просыпается... и выходит на охоту за теми, кто однажды его уже победил? И что ждет здесь Валюшку и Лёничку, которые не могут избавиться от призраков царства мёртвых? Эта повесть – третья из серии «Городишко», в которую входят также «Остров потерянных душ», «Демоны зимней ночи», «Никто из преисподней», «Лунный пес». На обложке использован фрагмент картины Гервасио Галлардо «Глаза травы».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89135-1

© Арсеньева Е. А., 2016
© Елена Арсеньева, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

22

Елена Арсеньева

Сын тумана

Травинка была ярко-белая, сверкающе-белая, с белыми искрящимися ворсинками. Невиданная соседка однообразной зелени! Она была выше прочей стелющейся муравы и странно шевелилась, словно с любопытством оглядывалась по сторонам.

Откуда и каким ветром ее сюда занесло? Может, из тропиков?

Да ладно, пусть растет.

Женщина пошла было своей дорогой, однако остановилась и оглянулась. Почему-то любопытство донимало, хотя раньше ее никогда в жизни не интересовала никакая трава и даже цветы.

Сама не понимая зачем, вернулась и сорвала травинку.

Та мягко обвилась вокруг пальцев, ворсинки прильнули к коже мягко, ласково, но через мгновение женщина ощутила боль, похожую на ожог... впрочем, боль тотчас прошла, а ворсинки сделались красными. Через миг таким же красным цветом налился стебель.

Женщина вдруг осознала, что травинка покраснела потому, что высасывает ее кровь, и что это не травинка вовсе, а какое-то насекомое со щупальцами! Опасное насекомое!

Она испуганно тряхнула пальцами, но белые ворсинки-щупальца присосались, чудилось, намертво. Вцепилась в травинку другой рукой, но и та немедленно оказалась оплетена ворсинками. Их нарастало все больше и больше, они удлинялись на глазах, они оплели руки женщины до плеч, поползли по туловищу верх и вниз... но боли по-прежнему не чувствовалось, оставалось только безмерное изумление видом своего тела, которое вдруг покрылось ярко-красным ворсистым нервно пульсирующим покровом.

Изумление оставалось последним чувством, когда тело потеряло свои очертания. Последним живым чувством.

Плотно сплетенный красный кокон упал на землю. Дернулся раз, другой – и затих.

Ворсинки вонзились в почву, и кровь, только что высосанная из женщины, впиталась в земляные слои.

Обескровленный кокон быстро бледнел, иссыхал, рассыпался на искрящиеся частички, похожие на крупные снежные хлопья, переливающиеся в солнечном свете.

Налетевший ветерок размел их по сторонам.

Там, куда попали эти хлопья, из земли проклевывались ярко-белые сверкающие травинки с искристыми белыми ворсинками. Они поднимались над окружающей однообразной зеленью, странно шевелясь, будто с любопытством озирались по сторонам.

Ожидали новых жертв.

* * *

Валерка даже не успел вытащить мобильник, а звонок уже прекратился. Посмотрел – оказалось, звонил Сан Саныч.

Это Валеркин дядя, Сан Саныч Черкизов. Его все, даже Валерка, называли только так, никаких там «дядей Сашей» он не признавал.

Валерка, конечно, немедленно набрал его номер, однако Сан Саныч не ответил.

Странно. А зачем тогда звонил? Просто чтобы удостовериться: готов ли племянник прийти к нему в гости? Да все в порядке: Валерка уже едет в маршрутке на вокзал, билет в кармане, вещи – вот они, в рюкзаке.

Наверное, Сан Саныч не отвечает потому, что его немедленно отвлекли какие-нибудь важные дела. Он все-таки начальник городской полиции (пусть даже в совсем маленьком городке под названием Городишко), и забот у него невпроворот. Он там небось с очередными браконьерами или поджогами соседских коптилен (Городишко летом жил рыбным промыслом) разбирается. Вот эти браконьеры и не дали ему поговорить с племянником.

Да ладно, ничего страшного, Валерка уже через несколько часов будет на месте, там и наговорятся.

Давно не виделись! С прошлого августа! И все последние полгода, начиная с самой зимы, Сан Саныч названивал чуть не каждый день и уговаривал племянника снова провести летние каникулы у него. В прошлом году Валерка твердо решил, что больше ногой не ступит в Городишко, где буквально за пару дней пережил столько неприятностей и страхов, сколько за всю свою двенадцатилетнюю жизнь не переживал!¹² Но с тех пор миновал год, Валерке исполнилось тринадцать, он перешел в восьмой класс, и все случившееся стало казаться и менее трагичным, и менее романтичным.

Ну влюбился.

С кем не бывает!

Ну, влюбился безнадежно.

С кем, опять же, не бывает!

Первая любовь и должна быть безнадежной, так в книжках пишут. И ее, типа, надо помнить всю жизнь.

Однако Валерка решил эту самую любовь забыть как можно скорей. Да и не любовь это была, а так... туман!

Вот именно. Из тумана пришла, в туман ушла.

А вот и вокзал. Валерка выскочил из маршрутки и помчался на четвертую платформу, откуда должен был уходить его поезд.

Вагон сначала набился довольно крепко, но по пути, когда вышли дачники, постепенно стало просторней.

Валерка смотрел в окно и думал, как здорово, что до Городишка пустили электричку. Раньше надо было три часа тащиться в автобусе по вечно перегруженной федеральной трассе, то и дело застревая в пробках, особенно во время тумана, а поезду не страшны никакие пробки!

¹² Об этой истории можно прочитать в повести Елены Арсеньевой «Остров погибших душ» в сб. «Самые страшные каникулы» («Большая книга ужасов», издательство «ЭКМО»).

А интересно, туманы могут помешать движению электрички?.. Хотя Сан Саныч уверял, что таких туманов, какие были в прошлом году, теперь и в помине нет.

Туманов нет, можно спокойно сидеть на старом причале и смотреть на реку. Или рыбачить около заброшенного дебаркадера...¹³

Хотя нет, на берег Валерка больше ни ногой!

А что делать в Городишке, если на берег не ходить?

Странно – он только сейчас об этом задумался.

В Городишке скучота... В прошлом году, честно сказать, Валерка с тоски помирал, пока не появилась Ганка и не развязалась вся эта жуткая история с Ураном, Верой Беловой и зелеными зайцами.

Потом, когда все закончилось, Валерка тоже помирал с тоски. Правда, по причине разбитого сердца.

А у кого оно не разобьется, если ты встречаешь лучшую в мире девчонку, два дня сходишь по ней с ума, а потом оказывается, что это вовсе не девчонка с чудесным именем Ганка, а вообще замминистра экологии Марья Кирилловна Серегина, и у нее уже есть дети и даже внуки, а девчонкой она была только временно, пока длилось жуткое колдовство Веры Беловой, хозяйки острова Туманный?!

Эта самая Вера-мегера и ее сын Юран (на самом деле его звали Уран, и он был такой же красивый и жуткий, как это слово!) решили покарать врагов природы. Как пишут в газетах, тех, кто портил окружающую среду. Взяли на себя роль этаких мстителей! Те, кто выливал в реку токсичные отходы производства, вырубал леса и так далее, были наказаны Верой и ее сыном.

Марья Кирилловна, к примеру, выступала за добычу сланцевого газа на Волге. Потом-то она стала яркой противницей этой самой добычи!

Наверное, станешь, если тебя превратят в зеленого зайца и ты вообще все о себе забудешь!

Ганка спаслась от Веры и Урана только чудом. А потом на остров высадились специалисты МЧС (а может быть, они были сотрудниками вовсе не МЧС, а другой, гораздо более хитрой конторы!), и Валерка сам видел, как Вера Белова их тоже чуть было не превратила в зеленых зайцев! Одного даже превратила – и до остальных бы добралась, если бы ее не застрелил Сан Саныч. Тогда же по непонятной причине погиб ее сын. Труп Юрана-Урана исчез, а мертвую Веру привезли в Городишко. Ну а что с ней было потом, Валерка не знал.

Похоронили, наверное, что еще с мертвыми бывает!

Все зеленые зайцы постепенно снова стали людьми и вспомнили свое прошлое. Одного, впрочем, там, на острове, один из эмчээсовцев застрелил.

Нечаянно. С перепугу.

Хотя на его месте кто угодно перепугался бы, там такое творилось...

Сан Саныч рассказывал, что потом на остров несколько раз попытались попасть еще какие-то экспедиции, но там все заволакивало таким непроницаемым туманом, что шагу не сделать. И на этом очень быстро поставили крест.

Ну бывают непознанные явления природы. Всякие там Бермудские треугольники, Марианские впадины... Вот и остров Туманный – что-то в этом роде.

Об этой истории поговорили – и перестали. Она была слишком страшная и непонятная, чтобы про нее хотелось вспоминать.

Потому и не вспоминали.

Вот и Валерка хотел забыть – и забыл, а теперь вдруг почему-то все ожило в памяти.

¹³ Дебаркадер – плавучая пристань в виде большого судна с двумя или тремя палубами, которое обычно стоит у берега. Через дебаркадер проходят с берега на корабли.

Чтобы отвлечься, он поел. Бутерброды с колбасой, сыром, маслом – и яблоки. Любимая еда! Мама такие бутеры делать дома не разрешала, говорила, что это нездоровая пища. А в путешествии, значит, лопай сколько влезет. Вообще логика взрослых способна поставить в тупик кого угодно!

Позади него сидели две женщины и всю дорогу о чем-то жу-жу-жу да жу-жу-жу. Валерка сначала не слушал, занятый своими мыслями, но тут вдруг до него долетело слово «колдун», и он невольно наострил уши.

– Да какая разница, колдун или экстрасенс, оба шарлатаны! – пренебрежительно произнесла одна женщина.

– В экстрасенсов не верю, а колдуна сама лично знала, – ответила другая. – В нашем подъезде жил.

– Понимаю! – усмехнулась первая. – В таких же газетках объявления давал? – И она пошелестела бумагой, наверное газетой. – Денежки из несчастных людей выкачивал за свое вранье?

– Деньги он брал, это точно, – согласилась ее собеседница. – Всем жить надо. Только в газетах о нем не писали – шепотком рассказывали друг другу. Так-то ничего особенно, старикашка седенький, но глаза... Вот правда, что видел людей насквозь. Но главное, он умел порчу не только снять, но и навести. До смерти мог человека загубить. Но хороших людей он не убивал! Был справедливый!

– И кто докажет, что какой-то человек не сам по себе помер, а его колдун погубил? – недоверчиво спросила первая женщина.

– Я и докажу! Был у нас по соседству один мерзавец, который как напьется, так свою жену чуть не до смерти бьет. Никакой на него управы не было! И вот вдруг стала у него левая рука болеть, неметь, а потом и вовсе отсохла. Скрючилась чуть ли не за неделю! А потом и правая начала неметь. Он перепугался и поклялся жене, что больше ее пальцем не тронет. Рука неметь перестала. Ну, он клятву сдержал, вообще другим человеком стал.

– Ну ты, конечно, веришь, что это колдун наколдовал! – фыркнула первая женщина.

– Верю, – согласилась вторая. – Потому что точно знаю! Я уже говорила, что этот колдун был нашим соседом. И вот его на улице сбила машина. Сразу насмерть! И к нему на квартиру пришли из полиции – проверить, что да как. Меня и еще двух соседей пригласили в понятие. Ну и квартира была! Какие-то книги непонятные, старые, из них аж труха сыпалась, травы в глиняных горшках, всякие странные штуки вроде змеиной кожи или сушеных лягушек... Ужас! Но самое страшное – это были куклы.

– Куклы?!

– Ну да! Куклы, слепленные из земли или из глины. И вот у одной была воткнута в левую руку огромная игла, а на голову прилеплены рыжие волосы. А тот пьяница, у которого рука отсохла, – он рыжий, рыжеволосый! Понимаешь? То есть наш колдун на него порчу навел! Чтобы отучить драться!

– Ну, не знаю... – пробормотала первая женщина.

– Я тебе больше скажу! – решительно заявила вторая. – Там была кукла с проткнутым сердцем. На лбу нацарапаны две буквы: «Б.Б». Когда ее полицейский взял, она развалилась, и на пол выпали какие-то обрезки, волосы спутанные. И один полицейский воскликнул: «Да это же черная магия! Натуральное вуду! Как по телевизору показывают!» Потом смотрим – а под куклой лежит газетная вырезка с заголовком: «Предполагаемый убийца нескольких человек Борис Быков освобожден из зала суда за недостаточностью улик». И полицейский говорит: «Так вот почему этот гад сдох от инфаркта! Не могли его засудить, так колдун достал!» Ты понимаешь? Борис Гусаков! Б. Б. – это ведь его инициалы! Ой, слушай, пошли, наша станция!

– И все равно это ерунда! – донесся насмешливый голос. – Не верю!

Валерка обернулся и увидел двух женщин с тяжелыми сумками, которые спешили к выходу.

Ерунда, значит?.. Валерка и сам бы раньше так сказал. И тоже добавил бы: «Не верю!» Но после того что происходило прошлым летом, он мог поверить во что угодно. Хозяйка Туманного острова была самая настоящая колдунья! Вообще что-то немислимое!

Так что запросто тот колдун мог и руку иголкой изувечить, и даже человека прикончить через куклу. Валерка тоже смотрел по телевизору передачу про магию вуду: там колдуны и впрямь кукол протыкали ножами и иглами. Всякое бывает, вот что тут можно сказать!

Женщины, уходя, забыли газету. Валерка ее достал, просмотрел от нечего делать...

Газетка оказалась ужасно скучной, какие-то дурацкие сплетни про артистов. Но последняя страница была поинтересней. Там-то и обнаружились рекламы экстрасенсов и даже интервью с одной из них.

Сначала Валерка прочитал объявления.

Чего они только не делали, оказывается, эти экстрасенсы! По фотографиям отыскивали пропавших людей, расследовали преступления, привораживали любовь с помощью каких-то там ниток, связанных в узел, снимали венец безбрачия (Валерка, честно говоря, так и не понял, что это за штука такая)...

Ну а в интервью рассказывалось, как избавиться от недоброжелателей.

Дама-экстрасенс была женщина решительная и способы избавления предлагала очень радикальные! Советовала прибить к земле тень вредного человека. А не поможет – сделать из могильной земли куклу в его образе, а потом проткнуть ножом в том месте, где как бы находится куклино сердце. Что-то вроде этого и проделывал тот колдун!

Валерка отбросил газету.

Эти разговоры и статья разбудили такие ужасные воспоминания... Зачем он только поддался на уговоры Сан Саныча и согласился приехать!

Хотя, с другой стороны, куда деваться было? У родителей с завтрашнего дня начинаются, как обычно, летние полевые командировки: они оба геологи. Валерке оставаться дома не с кем. Надо куда-то уезжать. Именно поэтому он сорвался, как только занятия в школе закончились. Вчера, 29 мая, закончились – а сегодня, 30-го, он уже едет в Городишко. Сан Саныч – их единственный родственник. То есть Валерка обречен каждое лето таскаться в Городишко и вспоминать, вспоминать...

Поезд повернул, и в глаза начало светить солнце.

Тут газета пригодилась – ею удалось загородиться от ярких лучей. Но скоро Валерке надоело держать газету. Положил ее, зажмурился от света – и немедленно захотелось вздремнуть. Он привалился головой к стеклу...

Вдруг его кто-то позвал:

– Эй, слышишь? Ты спишь?

Валерка аж подскочил на жесткой вагонной лавке!

Прямо перед ним стоял Юран... ну, Уран Белов! Точно такой же, каким Валерка его помнил: высокий, тонкий, как спица, зеленоглазый, с белыми волосами; черты лица чеканные, словно изо льда выточены. И одет он был как всегда: в черный комбинезон с эмблемой горзеленхоза: раньше Юран подстригал деревья в Городишке.

– Знаешь, кто предаст? – спросил Юран своим мягким, негромким голосом. – Тот, кто у нас побывал – и не может этого забыть. Он навсегда с нами останется! Так что долго искать не придется.

И умолк, со странным выражением глядя на Валерку. С жалостью он смотрит, что ли?!

– Не понял... – пробормотал Валерка, сам себя не слыша от страха.

Но Юран только покачал головой – и стремительно отдалился от Валерки. Оказывается, он отплыл в своей лодке.

Лодка была необыкновенная: с нарисованными по бокам от носа глазами. Один глаз был синий, а другой зеленый. Глаза то открывались, то закрывались. И на самом деле не лодка это была, а...

Валерка вздрогнул и проснулся.

Какой Юран? Какая лодка с двумя глазами?! Это был всего лишь сон! Он просто задремал, привалившись к стеклу. Вот и приснилось то, о чем думал перед этим.

Думал про Юрана – Юран и приснился!

А вот не думай. Или тебе думать больше не о чем?

А между прочим, не получится в Городишке не думать про Юрана! И про Веру!

Ладно, надо взять себя в руки. Сан Саныч должен его встречать. Больно радостно ему будет увидеть племянника с такой кислой физиономией!

Поезд остановился. За окном прокричали, к первой, мол, платформе прибыла электричка сообщением Нижний Новгород – Городишко.

Валерка нацепил улыбку в тридцать два зуба, поправил ее, чтобы лучше сидела, снял с багажной полки рюкзак, завернул в газету пакет с оставшимися бутербродами, сунул в карман рюкзака – и потащил свое добро к выходу.

Спустился на перрон – и обнаружил, что напяливать улыбку мог бы и не спешить: Сан Саныча на перроне еще не было.

Валерка вертел головой, его толкали со всех сторон... На самом деле Городишко был не сильно многолюдный. Зимой в нем вообще полтора человека жили, а летом, конечно, наезжал народ: любители рыбалки и купалки, как выражался Сан Саныч.

Электричка уехала, приезжие разошлись, однако Сан Саныч так и не появился. На перроне оставались только Валерка и еще три человека. Высокий, худой, сутулый дядечка с седой головой и седыми усами и двое ребят: парень и девчонка, одинаково одетые – в голубые джинсы и белые футболки. Девчонке было лет тринадцать, а парень года на два, на три постарше.

Дядечку Валерка видел прошлым летом: это был здешний доктор Михаил Иванович Потапов, знакомый Сан Саныча. А парня и девчонку не знал. Это были, наверное, брат и сестра: оба голубоглазые, с льяными волосами, только девчонка розовощекая и крепенькая, а парень бледный и тощий. Ее волосы были завязаны в аккуратненький хвост, а его довольно неопрятные патлы мотались по плечам.

Парень осматривался с каким-то странным выражением: как бы и не видя ничего. И на Валерку он так же глянул – невидяще, – а потом уставился в пространство поверх его головы. А девчонкины глаза, наоборот, словно приклеились к нему!

– Привет, Валера! – сказал доктор Потапов, подавая ему руку. – К дядьке в гости приехал?

– Ну да. – Валерка огляделся. – Только его нету... – И насторожился: – Слушайте, а вы тут почему? Сан Саныч что, заболел?!

– С чего ты взял? – поднял брови доктор Потапов.

– Ну, его нет, а вы, врач, меня встречаете... – пожал плечами Валерка. – А это кто такие? – взглянул он на ребят, которые подошли ближе.

– Это Лёничка Погодин, – сказал Михаил Иванович. – А это Валюшка Морозова.

– Валентина, – быстро поправила девчонка, зыркнув на Валерку исподлобья.

– Чтой-то? – смешно удивился доктор. – С утра была Валюшкой. Да еще пять минут назад Валюшкой была... И теперь вдруг Валентина. С какой печки ты упала, Валюшка?!

– Валюшка – зверушка, Валюшка – мягкая игрушка, – буркнула девочка. – Надоело!

«Валюшка – подушка, погремушка, душка, закидушка, нескладушка», – хотел предложить еще варианты Валерка, но не решился.

Еще обидится девчонка. Уж очень она, по всему видно, чувствительная!

– А просто Валя не пойдет? – осторожно спросил Михаил Иванович.

– Валентина! – отрезала девчонка, снова зыркнув на Валерку своими голубыми глазами.

– Ну, как скажете, барышня, – покорно вздохнул доктор. – Значит, это Лёначка Погодин, а это Валентина Морозова. Они с твоим дядькой друзья.

– Надо же! – недоверчиво пробормотал Валерка. – А он никогда про таких друзей не рассказывал. И давно вы подружились?

– Зимой, – сообщила Валентина. – Тут у нас такое творилось...¹⁴

– Валентина! Помалкивай! – строго сказал доктор.

– Когда в компании все вдруг замолчат, то говорят, что в это время пролетел ангел, – пробормотал Лёначка, все так же отрешенно глядя в пространство.

Валентина с обреченным видом завела глаза, но губы стиснула покрепче. Как будто замок навесила на сейф!

Впрочем, Валерка не сомневался, что этот сейф недолго будет закрытым. Или эта Валентина страшная болтушка (Валюшка-болтушка!), или он ничего не понимает в девчонках.

Хотя прошлое лето показало, что Валерка в них и впрямь ничегошеньки не понимает!

– Сан Саныч занят, да? – спросил он доктора. – И он вас попросил меня встретить?

– Ну... в общем, он давно рассказывал, что ты приедешь, – сказал Михаил Иванович. – А я до него дозвониться никак не могу по одному срочному делу. Уже часа три – и домой звоню, и на работу. И подумал: он ведь всяко будет на вокзале, чтобы тебя встретить! И поэтому мы решили сюда заехать. А Сан Саныча так и нету...

– И я тоже не мог до него дозвониться... Куда же он мог подеваться? – с тревогой спросил Валерка.

– Да говорил, что на кладбище собирался съездить, – пояснил доктор.

– Если на кладбище зарыть самоубийцу, особенно висельника, жди жестокого града, – меланхолично сообщил Лёначка.

Валентина снова закатила глаза, но, к Валеркиному изумлению, сейф остался закрытым.

* * *

Доктор Потапов рассказал, что сегодня исполнилось десять лет со дня гибели предшественника и товарища Сан Саныча, бывшего начальника городишкинской полиции (вернее, милиции) Максимова. Сан Саныч решил проведать его могилку – и не вернулся. Ему беспрестанно названивали из отделения, и доктор Потапов звонил, но на звонки никто не отвечал.

Валерка вспомнил, что в прошлом году на кладбище ездили все вместе: он, Сан Саныч и вдова этого самого бывшего начальника баба Катя.

Баба Катя была соседкой Сан Саныча и относилась к нему по-матерински: наводила порядок, когда жилью одинокого мужчины, как она выражалась, «теряло человеческий облик», варила умопомрачительные гороховые и куриные супы, жарила умопомрачительные котлеты и пекла умопомрачительные пироги, которые Валерка обожал, особенно вишневые. Но теперь ни котлет, ни супов, ни пирогов ему больше не поесть. Оказывается, баба Катя тоже пропала – причем еще несколько дней назад.

– Что же это в Городишке делается? – возмутился Валерка. – Пропадают люди – и никто их не ищет?!

– Почему ты так думаешь? – удивился доктор Потапов. – Сан Саныч немедленно поднял тревогу, когда Катерина Ивановна домой не вернулась. Она ему говорила, что собирается сходить на кладбище – прибраться там, ну чтобы к десятилетию мужниной смерти ухаживать могилка была. Мы с твоим дядькой туда сразу поехали, и патруль он вызвал. Нашли

¹⁴ Об этом можно прочитать в повести Елены Арсеньевой «Демоны зимней ночи» («Большая книга ужасов – 2016», издательство ЭКСМО).

сумку Катерины Ивановны с ключами и кошельком, а ее самой не было. Возможно, она просто забыла, зачем вообще туда пришла.

– Как так? – не понял Валерка.

– В последние полгода у Катерины Ивановны начались провалы в памяти, – объяснил Михаил Иванович. – Может быть, senior moments, так сказать, моменты возраста, может быть, что-то посерьезней. Нужно было в Нижний ехать обследоваться, но ее просто невозможно было заставить туда отправиться. Сан Саныч сам хотел отвезти ее, но она ни в какую не соглашалась. Не исключено, что у Катерины Ивановны на кладбище внезапно случился такой приступ и она не могла вспомнить, как здесь оказалась. Но куда она могла потом забрести, совершенно непонятно! Ее ведь практически все знают в Городишке, кто-то обязательно бы заметил. Но никто ее не видел. Полиция прочесала весь город, искали даже на реке... Но Катерина Ивановна исчезла бесследно. Может быть, вернется. Мы уж и объявления по всему городу расклеили... Сан Саныч очень переживал, все надеялся, что она вернется.

– Но у него-то не мог провал памяти случиться! – подавленно сказал Валерка. – Он должен был меня встретить! Он помнил об этом! Он мне даже звонил, только вызов оборвался. А потом он перестал отвечать...

И вдруг Валерку осенило:

– А может быть, Сан Санычу внезапно плохо стало? И он там, на кладбище, лежит без сознания?! Надо немедленно туда поехать.

– Сейчас сгоняем, – согласился Михаил Иванович, махнув в сторону довольно побитой «Нивы», стоявшей у здания вокзала. – Нет, погодите, я позвоню в полицию: пусть патрульную машину тоже отправят.

Валерку так и трясло от нетерпения, пока Михаил Иванович звонил в отделение и объяснял ситуацию.

– Да ты успокойся, – сочувственно сказала Валентина. – Ну не тот человек Сан Саныч, чтобы вдруг взять и пропасть!

– Если хочешь вернуть пропавшего, надобно пойти в сосновый лес и сговориться с боровиком, чтобы он отдал того, кого взял. Для этого берут с собой кошку и в лесу начинают ее душить. Заслышав кошачье мяуканье, боровик выходит к человеку и вступает с ним в переговоры, – меланхолично сообщил Лёнечка.

Валерка даже покачнулся от изумления.

– Прекрати! – взвизгнула Валентина. – Опять начал чудить?!

Валерка уставился на Лёнечку. Вроде бы парень как парень, только очень худой и бледный. Но выражение глаз...

– Он что, крезанутый малость? – пробормотал краешком рта, чтобы слышала только Валентина.

– Да кто его разберет! – ответила та с досадой, причем в полный голос. – Иногда нормальной нормального, а иногда как завернет что-нибудь этакое! Зимой он вообще одними приметами и всякими поговорками сыпал. «Словарь русских суеверий» наизусть шпарил! Ну тогда это было хотя бы к месту...

Она осеклась, стиснула губы и помолчала, как будто уговаривая себя о чем-то не говорить. Валерка по ее лицу видел, каких усилий ей это стоило! Наконец Валентина продолжила:

– Потом, когда Лёнечка у Михаила Ивановича пожил и в школу ходил, он стал говорить нормально, как все. Но иногда его опять переключивает – вот как сейчас. Ничего, это пройдет.

– А Михаил Иванович не его отец, я так понимаю? – спросил Валерка. – Он Потапов, а Лёнечка – Погодин...

Конечно, это было не слишком-то вежливо – обсуждать человека в его присутствии, – но Лёнечка выглядел так, словно он ничего не слышит. А если и слышит, то ему все это глубоко по фиг.

– Лёничкиного отца убили много лет назад, – рассказывала Валентина, косясь на безучастного приятеля. – Мама его умерла, бабушка тоже. Он чуть не замерз этой зимой до смерти, его нашли, привезли в больницу. Он там и жил некоторое время. Потом его Михаил Иванович забрал, усыновить хочет, как меня мама Марина усыновила, в смысле удочерила. Только с документами мороки много. Сан Саныч нам знаешь как помогал! Хоть бы он нашелся скорей!

В это время Михаил Иванович закончил говорить по телефону, сунул его в карман и открыл дверцы «Нивы»:

– Патруль выехал. Встретимся на месте. Грузимся.

Когда начали садиться в машину, из-под нее лениво выбрался пыльный черный пес.

Валентина взвизгнула, шарахнулась, вцепилась в Лёничкину руку.

Тот терпеливо вздохнул:

– Успокойся. Лето сейчас!

Пес прихрамывая потрусил по улице, опасливо оглядываясь. Видимо, побаивался, что Валентина с перепугу может дать ему пинка.

Над глазами у него было по смешному светлому пятнышку, а в общем-то выглядел он довольно уныло.

– Ты, может, есть хочешь? – спросил Валерка.

Пес мигом остановился и завилял хвостом. Валерка достал из кармана рюкзака газету и развернул ее.

Пес с урчанием вцепился в пакет с бутербродами и быстренько утащил его в кусты.

– Приятного аппетита, – усмехнулся Валерка и, сложив газету, снова сунул ее в карман рюкзака.

Ни одной урны поблизости не просматривалось, а выбрасывать газету прямо на тротуар или на газон было неохота. Городишко и так не блещет чистотой, не стоит еще больше мусорить.

– Ты не боишься собак? – с дрожью в голосе спросила Валентина.

– А ты боишься, что ли? – удивился Валерка.

– Боюсь, – буркнула она, отпуская Лёничкину руку и забираясь на переднее сиденье «Нивы».

Валерка и Лёничка сели сзади.

Тронулись.

Когда ехали мимо берега, Валерка не удержался – глянул-таки в сторону реки.

Ничего не изменилось! Вон старый причал, еще более покосившийся и почерневший от сырости, вон вросший в песок дебаркадер, рядом затон, где держат свои лодки местные рыбаки, в том числе и Сан Саныч, а поодаль – неуклюжее пластиковое сооружение: летнее кафе, где Ганка жила некоторое время у его хозяйки Фани и мыла там посуду...

Нет, кое-что изменилось: кафе заколочено, на площадке для парковки пусто, а раньше здесь всегда останавливались машины, идущие по федеральной трассе.

Наверное, Фаня уехала. Хотя это странно – бросить такой прибыльный бизнес: тут всегда было очень бойкое место, Ганка говорила, что ей приходится перемывать горы посуды!

Да какое, собственно, дело Валерке до противной, крикливой и толстой, как подушка, Фани, вечно одетой в «наволочки» с восточным узором!

И вообще, какое ему дело до всего остального!

Он отвернулся, чтобы не видеть ни заколоченного кафе, ни дебаркадера, ни берега, ни, главное, старого причала, где однажды к нему подошла Ганка...

«Все! Хватит! Вспоминаешь невесть что, а у тебя, между прочим, дядька пропал!» – сердито сказал себе Валерка.

А вот и кладбище.

Ворота были нараспашку. Около приземистого барака, где с одной стороны помещалась контора, а с другой – жилье сторожа, уже стояла патрульная машина. И тут же – огромный джип Сан Саныча!

Валерка к нему так и кинулся, но джип оказался закрыт.

Подожли двое крепких парней в полицейской форме. Поздоровались за руку с доктором, потом с Валеркой: они были знакомы по прошлому году. Их звали сержант Кравченко и рядовой Федин.

Полицейские сообщили, что контора нынче закрыта, а сторожа полдня на месте не было: зуб вырывал. Так что он не знает, когда приехал Сан Саныч. Да и вообще никого не видел.

– В самом деле, он был у меня на приеме сегодня, сторож здешний, – кивнул Михаил Иванович. – Я ведь тут на все руки от скуки, в том числе и за стоматолога.

Валерка нетерпеливо воскликнул:

– Чего ж мы стоим? Пошли скорей Сан Саныча искать!

– Движемся цепью, расстояние в две могилы, – скомандовал Кравченко. – Смотрим внимательно. Направление – вон та рощица, за ней находится могила товарища Максимова.

Вытянулись цепью, двинулись вперед.

Михаил Иванович был хмур и сосредоточен, Лёничка шел с обычным отсутствующим видом. Проку с него было, конечно, не больно много, но все-таки лежащего между могил Сан Саныча даже он вряд ли бы не заметил.

Валерка опасался, что Валентина будет пищать и бояться, однако она держалась совершенно спокойно. Более того! Она даже расшнуровала кроссовки, сняла их и пошла босиком.

Лёничка покосился на нее и тоже стащил, пятка за пятку, кроссовки.

– Какая земля теплая, – пробормотала Валентина, переминаясь с ноги на ногу. – Вот здорово!

– Вы чего? – хрипло спросил Валерка. – Неужели не страшно?!

Ребята разом помотали головами.

– Они зимой здорово поморозились, – обернулся доктор Потапов. – Что Лёничка, что Валюш... то есть Валентина. Ступни практически утратили чувствительность. Надо эту чувствительность возвращать. Дома они носят носки с аппликаторами, а на улице при малейшей возможности ходят босиком по траве. Кладбищенская же земля обладает многими целебными свойствами. У нас даже дома на балконе ее целый мешок стоит, мы недели две назад набирали: чтобы ребятам ноги парить в горячей воде с примесью этой земли.

– А я читал в каком-то журнале, что из кладбищенской земли делают кукол, чтобы порчу на врагов наводить, – сообщил Валерка.

– Бр-р! – передернул плечами Михаил Иванович.

– Ну ты скажешь! – недоверчиво воскликнула Валентина.

– До чего только не додумаются злобные лукавцы, – буркнул Лёничка.

И пошел дальше как ни в чем не бывало.

Остальные последовали его примеру.

«Странная парочка – эти усыновленные-удочеренные, – подумал Валерка. – Доктор тоже странноватый! Кладбищенская земля целебная – надо же до такого додуматься!»

Он рассеянно размышлял об этом, шныряя глазами по сторонам, но никаких признаков Сан Саныча не обнаружил. А вообще-то ему было не по себе – не любил он кладбищ.

А кто их любит, интересно?!

Скоро миновали рощицу и увидели большой гранитный памятник Максиму.

Все начали озираться с удвоенным вниманием, но напрасно: Сан Саныча, ни живого и здорового, ни без сознания, нигде не было.

Двинулись дальше и скоро дошли до края кладбища.

Встали около одинокой березы, снова огляделись.

Никого!

– Давайте его позовем, – предложила Валентина. И первая закричала: – Сан Саныч, вы где?! Отзовитесь!

Все тоже принялись звать пропавшего, но ответа не дождались.

Молчал только Лёничка.

– А ты чего не кричал?! – возмутилась охрипшая Валентина.

– На кладбище кричать – мертвых будить, – буркнул тот.

У Валерки аж мурашки по спине пошли!

– Тогда почему ты нас не остановил?! – еще больше возмутилась Валентина.

Лёничка только плечами пожал.

Валерка зябко передернулся, озираясь.

Тишина стояла такая, что аж в ушах звенело.

– Ну что, пошли еще поищ... – начал было сержант, но не договорил: Лёничка вдруг резко махнул на него рукой и прошипел:

– Слушайте!

И тут Валерка понял, что это не от тишины у него в ушах звенит! Откуда-то доносился тонкий мелодичный перезвон. Буквально из-под ног!

Наклонился, раздвинул густую зелень травы – и увидел мобильник Сан Саныча! «Самсунг» в черном чехле! Это он звенел!

Ну и Лёничка – даром что спит на ходу, а вон какой внимательный оказался!

Валерка схватил мобильник, открыл чехол. На дисплее слабо вспыхнула надпись «Валерку встретить» – и экран погас. Телефон разрядился, подав последний сигнал!

– Погодите, здесь еще что-то есть! – воскликнул рядовой Федин и вытащил из травы две связки ключей, бумажник, ручку и блокнот.

Ручку и блокнот Валерка видел впервые, а все остальное сразу узнал. Это были вещи Сан Саныча, которые он обычно носил в карманах! Бумажник его, ключи от дома и – с брелоком – от машины.

Валерка шагнул вперед, ничего не видя от волнения, и чуть не упал, обо что-то споткнувшись.

Это оказалась проржавевшая табличка, вбитая на какой-то могиле почти вровень с землей.

Рядовой Федин поддержал его под руку, а Кравченко строго сказал:

– Федин, дай-ка мне вещдоки, а то растеряешь!

Валерка нервно сглотнул.

Вещдоки... значит, сержант Кравченко уже не сомневается, что Сан Саныч стал жертвой преступления?!

Постоял, с необычайным вниманием глядя на эту ржавую табличку. На самом деле он изо всех сил старался сдержать слезы.

Где Сан Саныч?! Что с ним?!

Валентина подошла поближе и тоже уставилась на табличку.

– Здесь только номер какой-то написан, – сказала она. – Это почему?

– Так хоронят неопознанные трупы, – проговорил Михаил Иванович.

– Там тоже неопознанные трупы? – махнула рукой Валентина на еще одну такую же ржавую табличку – на самом краю кладбища, на склоне, ведущем к реке.

– Наверное, – пожал плечами Михаил Иванович. – Ребята, обуйтесь-ка. Неизвестно, сколько тут еще таких колышков наткано. Напорешься на ржавую железку – не обрадуешься!

Лёничка постучал ногой об ногу и всунулся в кроссовки, а Валентина села, обтерла пыльные ступни носками, потом надела носки, кроссовки и принялась завязывать шнурки какими-то ужасно сложными узелками.

– Это называется «узел хирурга», – сообщила она, заметив, что Валерка таращится на эти хитросплетения. – Нас Михаил Иванович научил. Лёначка вообще кроссовки не расшнуровывает, а я так не люблю. Этот узел целый день не развязывается! Я тебя научу, хочешь?

Валерка кивнул, чувствуя, что немного успокоился от ее незамысловатой болтовни.

– Пошли, пошли, – взял его за плечо Михаил Иванович и подтолкнул вперед.

Валентина не отставала от них.

Задержался только Лёначка. Он снова взглянул на ржавый колышек – и вдруг его так и затрясло, даже ноги подкосились.

Лёначка с трудом удержался от крика.

Что его так напугало? Он не знал, не понимал, откуда взялся этот внезапный приступ необъяснимого ужаса.

Ну, чья-то могила. Забытая, брошенная... Такое бывает. Ну и что?!

Но стало страшно, страшно, невыносимо страшно!

Лёначка бросился догонять остальных, но ему еще долго чудилось, будто вслед смотрят чьи-то холодные, ненавидящие глаза.

Если бы он оглянулся, то увидел бы, что из густых зеленых зарослей тут и там поднимаются стебли белой искрящейся травы и тянутся вслед ушедшим людям, жадно пошевеливая своими ворсинками.

Белой траве не нужны были все эти люди – ей нужен был только один из них. Но другие могли помешать расправиться с ним, поэтому она пока оставила будущую жертву в покое.

Этот человек никуда от нее не денется. Он вернется, обязательно вернется сюда – вернется ночью! И тогда она уничтожит его – как уже уничтожила тех троих обреченных. А потом дойдет черед и до всех остальных... И она настигнет их, где бы они ни скрывались!

* * *

Мама Марина уехала в Нижний проведать заболевшую сестру. Обещала вернуться через два дня. Это время Валюшка должна была провести у Михаила Ивановича вместе с Лёначкой. Она ничего не имела против. Вдобавок должен был приехать племянник Сан Саныча.

Он приехал. Однако Сан Саныч исчез!.. И вообще все пошло не так, не так...

Валюшка нервно повернулась на бок, потом опять на спину, потом на другой бок.

Перед тем как отправить ее к Михаилу Ивановичу, мама Марина чуть ли не полдня стояла у плиты – и в результате Валентина принесла с собой немалый тазик с булочками и еще один с печеньем. Пообедать никто не успел, вот и наверстали упущенное за ужином, а заодно прикончили булочки и печенье. Очень старались, чтобы ничего наутро не осталось: ведь мама Марина пользовалась каким-то особенным французским рецептом и все это было вкусное, только пока свежее. А как зачерствеет – в рот не вломишь.

Короче, булочки с печеньем тяжело ворочались в желудке, а Валюшка ворочалась с боку на бок.

А еще разные мысли ворочались в голове и мешали даже посильней, чем булочки...

Ключи от машины и дома Сан Саныча забрали полицейские и нипочем не хотели отдавать Валерке. Поэтому Михаил Иванович пригласил его остаться ночевать у него, благо квартира большая, всем места хватит.

Ему-то хорошо, доктору Потапову! Его сразу после ужина вызвали к какому-то больному в деревню Безводную. Лёначке тоже хорошо – он опять впал в привычную прострацию, сидел с отсутствующим видом... Впрочем, Валюшка к этому уже привыкла и никакого внимания на Лёначку не обращала.

Да, им-то хорошо! А Валюшка была вынуждена весь вечер принимать огонь на себя и развлекать этого вновь прибывшего племянника. А тот так беспокоился о своем пропавшем

дядьке, что на попытки развлечь его совершенно никакого внимания не обращал. Но самое печальное, что заодно не обращал внимания и на Валюшку...

Впрочем, она сразу поняла, что у них ничего не будет. Еще когда племянник вышел из поезда и посмотрел на нее как на пустое место. А когда она сообщила, что отныне будет зваться не Валюшкой, а Валентиной, ей показалось, он с трудом удержался, чтобы не бросить ехидненько: «Знаю-знаю, с чего ты вдруг имя решила поменять, Валюшка-толстушка! Из-за меня? Да мне все равно. Для меня ты ничто, никто и звать никак!»

Валюшка очень любила старый-престарый фильм «Человек-амфибия».

Впрочем, нет, такой классный фильм не может устареть. Он на все времена!

Короче, там Ихтиандр признается Гуттиэре в любви, а она такая: «Значит, это была любовь с первого взгляда?» Ну, Ихтиандр печально смотрит на нее своими потрясающими глазницами и спрашивает: «А разве бывает другая любовь?..»

Вот и Валюшка была уверена, что никакой другой любви быть не может. Только с первого взгляда! Или тебе сразу пронзило сердце, или не пронзит вообще.

Вот ей сердце пронзило. А этому племяннику – нет!

И не потому, что Валюшка уродина. Она хоть и плотненькая вся такая (небось станешь плотненькой, если почти каждый день будешь стряпню мамы Марины лопать!), но очень хорошенькая. Это все мальчишки в классе признают. Да и раньше, еще когда она в детдоме жила, ей вечно кто-нибудь объяснялся в чувствах. Но ей это было не нужно. А теперь не нужно племяннику. Он уже влюблен в какую-то девчонку – это сразу видно. И так же влюблен, как Валюшка – в него.

Сильно и безответно.

Она сама не знала, каким образом, но просекла ситуацию моментально!

С одной стороны, плохо, что влюблен. С другой – хорошо, что безответно! В таких случаях всегда остается надежда, что, может быть, когда-нибудь повезет другой...

Ну вот Валюшка и надеялась, что это волшебное «когда-нибудь» наступит хоть когда-нибудь!

Словом, она лежала и мечтала, как вдруг услышала, что в прихожей раздается какой-то странный скрежет.

Очень похоже было, что кто-то пытается открыть замок.

Михаил Иванович вернулся, что ли? Ну такого никак не могло быть. За это время он еще до Безводного не доехал!

Ага, понятно. Это Лёничкой овладела страсть к ночным прогулкам!

С ним такое случалось. Все-таки, столько пережив, сколько они пережили минувшей зимой, можно иногда позволять себе некоторые странности. Странностей у Лёнички было пруд пруди, и ночные прогулки еще самые безобидные из них!

У Валюшки тоже имелись свои странности. Например, она панически боялась черных собак.

А кто бы не боялся на ее месте, интересно знать?!

Ну, пусть Лёничка идет, куда он не денется. Надо только последить, чтобы дверь нараспашку не оставил, с него станется. Или вообще не захлопнул. А то будет до утра сидеть на ступеньках и ждать, пока Валюшка проснется. Звонить в дверь и будить всех ни за что не станет – он ведь жутко деликатный, Лёничка Погодин!

Ни один нормальный человек не станет коротать ночь на ступеньках, но это ведь нормальный...

Словом, Валюшка выбралась из постели, надела халат, осторожно, чтобы не разбудить спящего племянника, прошла в прихожую и включила свет.

В прихожей уже никого не было, а дверь оказалась прикрыта очень аккуратно.

Не захлопнута, а прикрыта. Значит, Лёничка скоро вернется.

– Ишь ты, научился! – усмехнулась Валюшка и протянула руку к выключателю, но тут взгляд ее упал на кроссовки, стоявшие под вешалкой.

Это были никогда не расшнуровываемые Лёничкины кроссовки.

Лёничкины!

То есть он дома? Он куда не ушел?

А кто тогда ушел?

Валюшка нагнулась и уставилась на пол, где еще недавно стояли довольно крутые, хоть и здорово побитые кроссы Сан Санычева племянника.

Теперь их там не было. А с вешалки исчезла его серая ветровка.

Валюшка вернулась в коридор и обнаружила то, чего не заметила раньше. Дверь в кабинет Михаила Ивановича, где устроили на ночь гостя, была приотворена.

Так это не Лёничка ушел, наконец-то догадалась Валюшка.

Это ушел Валерка!

Она ринулась в кухню и прижалась лицом к стеклу – как раз вовремя, чтобы увидеть племянника, который выходил из двора на улицу.

– Куда он, интересно, наострился? – пробормотала Валюшка. – Неужели к Сан Санычу? Но у него же ключа нет... Тогда куда же? Может, просто погулять? Может, у него тоже есть свои странности?

И вдруг... вдруг она увидела что-то, промелькнувшее по двору вслед за племянником.

Нечто промелькнуло – и исчезло, однако Валюшка отлично успела его разглядеть.

Это была собака.

Большая черная собака!

* * *

На улицах было тихо, темно и совершенно безлюдно. Иногда из-за облаков выглядывала полная луна, но почти сразу снова пряталась.

Валерке казалось, будто луна спешит скрыться, чтобы не мешать тому, кто постоянно смотрит ему вслед. От этого ощущения невозможно было избавиться! Он то и дело оглядывался, но сзади никого не было. Хотя один раз показалось, что какая-то большая собака перебегает дорогу.

Ну, собак Валерка не боялся.

Он боялся за Сан Саныча!

Наверное, у полицейских были какие-то догадки насчет исчезновения их начальника. В детективных сериалах это называется «иметь версии». Но никто ничего Валерке не говорил. А у него никаких версий не имелось.

Скорее всего, на Сан Саныча напали, ударили по голове. Потом куда-то уволокли, а по пути выкинули в траву его вещи.

Значит, напали не для того, чтобы ограбить. Не для того, чтобы угнать машину или забраться в дом. Им нужен был сам Сан Саныч.

Зачем?! Кому «им»?!

Первое, что приходило в голову: Сан Санычу мстят какие-то преступники.

Валерка даже представить не мог, кто и за что. Он ведь о работе своего дядьки практически ничего не знал. Может, у его сослуживцев и появились какие-то мысли на сей счет (версии!!!), но, как уже было сказано, делиться ими с племянником пропавшего начальника городишкинской полиции никто не собирался.

Валерка позвонил маме и сообщил, что все в порядке, только Сан Саныч, после того как его встретил, отправился на два дня в срочную командировку.

Мама поворчала было на тему, что не успел ребенок приехать, как оказался совершенно брошенным, но потом вспомнила, кем работал ее деверь¹⁵, и ворчать перестала. Договорились, что Сан Саныч позвонит ей, когда вернется.

Когда вернется... А когда это произойдет?!

Ладно, главное – чтобы произошло. Главное, чтобы он все-таки вернулся!

Валерка не мог спать: все время думал об этом. И до того додумался, что ему стало казаться: разгадка исчезновения Сан Саныча может найтись у него дома.

Конечно, полицейские там побывали – ведь они с кладбища поехали прямо туда. И Валерку взяли с собой. Они зашли в дом, оглядели все комнаты, но довольно бегло. Валерка не мог понять, почему никто не роется в ящиках письменного стола, не перебирает бумаги в папках, не включает компьютер, чтобы проверить почту. А потом случайно услышал, как сержант Кравченко сказал второму полицейскому:

– Сказать по правде, я здорово надеялся, что мы найдем товарища Черкизова где-нибудь под столом у него дома, как в прошлый раз.

– Ну, значит, мы найдем его где-нибудь с лодкой на берегу, как в позапрошлый раз, – ответил его напарник, и они слаженно хихикнули, видимо уверенные, что никто ничего не слышал.

Однако Валерка слышал! И понял: полицейские были уверены, что Сан Саныч просто напился! Пошел на кладбище помянуть старого товарища, ну и... помянул от всей души. И потерял там все свои вещи. А сам куда-нибудь забрел – и уснул.

Вообще, Валерка презирал пьянство и пьяниц. Но сейчас он был бы просто счастлив, если бы полицейские оказались правы. Только бы Сан Саныч был жив! Только бы с ним ничего ужасного не произошло!

И все же он чувствовал: полицейские не правы! Сан Саныч мог, конечно, выпить... однако он ни за что в жизни не напился бы до потери сознания в тот день, когда должен был встречать Валерку. Ведь Сан Саныч так его ждал! Так уговаривал приехать!

«Ты мне за сына, – говорил он не раз. – Если б мой не умер, вы были бы с ним друзья».

У Сан Саныч была когда-то жена. Она умерла, а вместе с ней умер ребенок, который должен был у нее родиться. Сан Саныч почему-то не сомневался, что это был сын. Он очень сильно любил жену – и так и остался на всю жизнь одиноким.

И Валерку он очень любил. Сан Саныч обязательно бы встретил его! А если не сделал этого, значит, ему помешали какие-то непреодолимые обстоятельства.

Но какие?!

Как Валерка ни просил, полицейские не разрешили ему остаться дома у Сан Саныча. «Нельзя до выяснения обстоятельств дела», – сказали они. И заперли дом, а ключи забрали.

Но Валерке это не могло помешать. Штука в том, что в кирпичной ограде, которая разделяла участки Сан Саныча и бабы Кати Максимовой, был устроен маленький тайничок. Там лежал запасной ключ. Знали о тайничке трое: Сан Саныч, Валерка, ну и баба Катя, конечно. Она брала этот ключ, когда приходила к Сан Санычу в его отсутствие – прибраться или принести еду. А Сан Саныч завел этот запасной ключ на всякий случай.

– Мало ли что, – говорил он. – А вдруг потеряю свой? Как-то неловко будет начальнику полиции в своем доме дверь взламывать, будто ворюге какому-нибудь.

Валерка не сомневался, что ключ по-прежнему на месте. Спать он все равно не мог, поэтому потихоньку, стараясь никого не разбудить, выбрался из квартиры Михаила Ивановича. Дверь захлопывать не стал: его ночная вылазка должна остаться тайной. Он осмотрит дом Сан Саныча, а потом вернется – даже Валентина и Лёнечка не заметят его ухода. Только надо действовать очень осторожно, чтобы полицейские не заподозрили, что кто-то вмешивается в

¹⁵ Деверь – брат мужа.

их дела. Полицейские такого не любят: они во всех сериалах отчаянно враждуют с частными детективами, даже если те стараются им помочь.

Внезапно за спиной что-то прошелестело.

Валерка резко обернулся – и снова ему показалось, что мелькнула тень собаки.

Может, это тот самый пес, которого он покормил на вокзале?

Валерка свистнул.

Тишина.

Наверное, псина умчалась по своим ночным делам. Ну и ладно.

Дом Сан Саныча был обнесен довольно высоким каменным забором с металлическими воротами и калиткой в них. Открыть калитку и ворота можно было только особым ключом. Этого ключа у Валерки, понятное дело, не было, зато он знал, где находится одна секретная планка. Отодвинул ее – открылось окошечко, достаточное, чтобы только руку просунуть.

Валерка так и поступил. А потом нашарил кнопку внутреннего замка – и калитка распахнулась.

Вошел, снова запер ее, прокрался по двору к кирпичной стене между двумя участками и нашел тайник.

Отлично! Ключ оказался на месте. Это был как бы привет от Сан Саныча, и у Валерки стало чуточку полегче на душе.

Стараясь держаться в тени, будто ночной воришка, он поднялся на крыльцо, открыл дверь, вошел в дом.

И немедленно сделалось так страшно и тоскливо в темноте, что захотелось включить свет. Но его могли заметить с улицы. Вдруг именно сейчас мимо проедет патрульная машина? Тогда проблем не оберешься.

Стоп, тут же шторы должны быть! Очень плотные.

Валерка подошел к окну, попытался задернуть шторы, но их заело.

Ладно, жалко тратить на них время. Можно ограничиться фонариком мобильного.

Фонарик был мощный, но Валерка только сейчас осознал: он сам не знает, что именно надо искать. Если бы Сан Саныч оставил ему записку, ее увидели бы еще днем...

И все же он не сдавался. Сначала решил обшарить холл, потом подняться в кабинет, на второй этаж.

В холле стояли диван, журнальный столик, два кресла и книжный шкаф. На столике Валерка еще днем заметил вазу с увядшими ирисами.

Такие роскошные ирисы росли только в саду у бабы Кати. Наверное, это она принесла их Сан Санычу. Суп, пироги – и цветы.

Принесла, когда была здесь в последний раз...

Валерка вздохнул и скользнул лучом фонарика дальше.

На диване и креслах пусто. В книжном шкафу он копался долго. У Сан Саныча было много книг!

В одной из них оказались вложены какие-то бумаги. Валерка раскрыл ее и увидел две фотографии.

На одной была изображена коротко стриженная женщина в шортах, футболке и высоких резиновых сапогах. В одной руке она держала удочку, а в другой – садок с рыбой и радостно улыбалась.

Эту фотографию Валерка видел и раньше. Сан Саныч рассказывал, что его жена Надюша очень любила реку, рыбалку...

Вторую фотографию Валерка тоже видел раньше. Собственного говоря, это была даже не фотография, а листовка. Такие часто можно увидеть на стендах полицейских управлений, да и на стенах домов тоже. На них обычно написано: «Разыскивается опасный преступник» или

«Помогите найти человека». На листовке, которую держал в руках Валерка, было написано: «Разыскиваются те, кто знает эту девочку».

Девочка была очень хорошенькая, с растрепавшимися косичками и огромными черными глазами в круто загнутых черных ресницах.

Валерка ее знал.

Это была Ганка.

Он выключил фонарик, но все равно видел эти черные глаза и круто загнутые ресницы. Таких он больше никогда в жизни не видел. Ни у кого! И не увидит никогда.

Она была одна на свете – такая...

Валерка аккуратно сложил листовку с изображением Ганки и спрятал в карман ветровки. Раньше у него уже была такая же листовка, но потом Валерка ее выбросил – когда узнал, кто такая Ганка на самом деле. А сейчас вдруг подумал: ну и дурак же он! Ганка и Марья Кирилловна – это вообще разные люди и даже, если так можно выразиться, разные существа. Зачем забывать те два дня, которые, может быть, были самыми прекрасными в его жизни? Сан Саныч ведь не забыл свою жену, хотя она теперь мертвая, утонула много лет назад, от ее тела вообще остались только атомы и молекулы... Сан Саныч ведь не ужасается, думая про эти молекулы. Да он про них и не думает! Он вспоминает свою любимую Надюшу, думает только о том, как им было хорошо вместе, и радуется, что она однажды встретила его, что вообще была в его жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.